

Чжоу Цзыцянь расслабленно оперся на другую сторону ванны, расставив ноги, и на его губах появилась едва заметная, но очень красивая улыбка:

— Я помылся перед ужином.

Ванна была немаленькой, но и не настолько просторной, чтобы в ней мог поместиться ещё один мужчина ростом выше 180 см, и при этом оставалось бы место. Они заняли противоположные концы, и Е Тао, сидящий с поджатыми коленями, оказался между расставленными ногами Чжоу Цзыцяня. В воде всё было смутно видно, но не настолько, чтобы ничего не разглядеть. Е Тао, руководствуясь принципом «не смотри на то, что не положено», отвел взгляд и встретился глазами с сердитым кошачьим взглядом.

— Мяс! — Баобао буквально излучал ревность. Внутри него бушевали эмоции: «Мой! Он мой дядя!»

Кроме тех, кто родился гомосексуалистами, есть и те, кто стал таковым под влиянием окружающей среды и людей. Даже Чжоу Юньян и Чжоу Юньси, с которыми он раньше встречался, не могли быть точно названы гомосексуалистами, которые никогда не будут привлекаться к противоположному полу. В этой, казалось бы, неловкой обстановке, где собрались гомосексуалисты, Е Тао мог быть уверен только в своей сексуальной ориентации.

Он никогда не сопротивлялся своей ориентации, но если бы у него был выбор, он предпочел бы быть гетеросексуалом. Это избавило бы его от многих переживаний, и он мог бы жить обычной семейной жизнью. К сожалению, это предположение никогда не станет реальностью. В его прошлом кругу общения не было недостатка в женщинах, и некоторые из них проявляли к нему интерес, но с момента первого влечения и до сегодняшнего дня он никогда не испытывал интереса к кому-либо, кроме представителей своего пола. Он был гомосексуалистом от природы.

Отношение семьи Чжоу к нему и их действия, как намеренные, так и случайные, вызывали у Е Тао чувство беспомощности. Если бы он мог выразить свои чувства, он бы попросил этих двоих взрослых и одного ребенка учитывать его врожденную сексуальную ориентацию. Он не был аскетом, у него были чувства и желания, и иногда нужно было соблюдать дистанцию.

Объективно говоря, Е Тао уже обладал неплохой выдержкой. Если бы на его месте был человек с менее устойчивой психикой, он бы уже давно начал нервничать, находясь рядом с таким привлекательным мужчиной. К сожалению, никто не хвалил Е Тао за его выдержку, потому что после того, как он разделил ванну с Чжоу Цзыцянем, Баобао весь вечер не разговаривал с ним, а когда ложился спать, поворачивался к нему задом.

— Я не против, если ты будешь использовать свою задницу как подушку, но не мог бы ты делать это на своей подушке? — Е Тао слегка подтолкнул почти уткнувшийся в его лицо кошачий зад, чувствуя одновременно и беспомощность, и смех. Должен ли он напомнить этому ревнивому котенку, что этот мужчина — его дядя, а не его парень?

Баобао молча ударил его задней лапой: «Отойди, не хочу с тобой разговаривать!»

Баобао был абсолютно одержим своим дядей, считая его своей собственностью. Неважно, кто ты — мужчина, женщина, старик или ребенок, если ты пытаешься отнять его дядю, ты совершаешь преступление.

После некоторого времени противостояния Е Тао, не имея аргументов и не желая применять силу к ребенку, махнул рукой и повернулся на бок. Так они и легли спать.

Радовало то, что Баобао больше не сомневался в том, гомосексуалист ли его дядя. Однако этот забавный инцидент заставил Е Тао ещё более ясно осознать, насколько сильно любовь и забота Чжоу Цзыцяня, а также особая среда, в которой рос Баобао, повлияли на него. Баобао был настолько привязан к своему дяде, что это стало чрезмерным. Его любовь, уважение и зависимость от Чжоу Цзыцяня напоминали чувства маленького ребенка к своему отцу, а Чжоу Цзыцянь отвечал на это чрезмерной заботой и попустительством.

Е Тао мог понять желание Чжоу Цзыцяня заботиться и защищать своего болезненного племянника, и он также понимал, что Чжоу Цзыцянь держал его в тепличных условиях, чтобы оградить от всех возможных травм и позволить ему расти здоровым. Но во всём должна быть мера, и даже чрезмерная опека может иметь негативные последствия.

Хотя Е Тао никогда не был родителем, он понимал, что чрезмерная забота и защита не способствуют росту ребенка. Если хочешь, чтобы ребенок вырос, нужно научиться постепенно отпускать его, а не держать за руку, боясь, что он упадет, и не лишать его возможности столкнуться с трудностями и испытаниями. Полная защита делает ребенка навсегда незрелым.

Возможно, Баобао считал, что всё было хорошо и нормально, и ему не нужно было вмешательство постороннего человека, но Е Тао должен был думать о себе. Ведь в глазах Чжоу Цзыцяня Баобао был не Чжоу Юньси, а Чжоу Юньси — это он сам, Е Тао. Если он будет бездействовать и не попытается исправить ситуацию, его ждет отрыв от общества и превращение в замкнутого и странного человека, неспособного вписаться в окружающий мир. Баобао был ещё молод и не понимал, насколько страшным может быть такой исход, но Е Тао мог это представить. К сожалению, он был вовлечен в ситуацию и не мог дать объективных советов. Исправление уже устоявшегося стиля воспитания Чжоу Цзыцяня было долгим и трудным процессом, и он мог лишь постепенно вносить изменения.

«Постепенно» — это слово, которое звучало как что-то долгое и утомительное. Е Тао вздохнул про себя, пока чесал Баобао, который после двух дней капризов наконец помирился с ним. Баобао лежал на его коленях, всем своим видом выражая полное удовлетворение.

С приближением лета и всё более жаркой погоды, приближались и напряженные дни для тысяч студентов — выпускные экзамены. Хотя Чжоу Юньян не нуждался в экзаменах, чтобы изменить свою жизнь, он всё же был выпускником и должен был уделять время учебе, а также слушаться своего дяди. Поэтому времени на Е Тао у него стало значительно меньше.

Вечером того дня Чжоу Юньян, который почти неделю не беспокоил Е Тао, пришел с двумя порциями молока с двойной пенкой. Красивый молодой человек, только что вернувшийся из школы, нес в одной руке пакет, а в другой — сумку, перекинутую через левое плечо. Его глаза светились радостью, и он излучал безобидную ауру. Однако Баобао, лишь мельком взглянув на него через окно, вышел первым.

Чжоу Юньян не задержался надолго. Оставив подарок и поговорив с Е Тао несколько минут, он ушел. Не то чтобы он не хотел остаться, но не мог. После инцидента с утоплением их отношения становились всё хуже, и они всё больше отдалялись друг от друга. Его возлюбленный изменился, он больше не был тем человеком, который, даже если был чем-то недоволен, быстро забывал об этом после небольшой ссоры. Теперь, когда он смотрел на него, его взгляд был отстраненным, и хотя он не игнорировал его полностью, его глаза были холодными и равнодушными, как будто он смотрел сквозь него. Для Чжоу Юньяна такое отношение было более мучительным, чем капризы. Это было безмолвное давление, заставляющее выпустить внутреннего зверя, чтобы наброситься на него и разорвать, лишь бы

он наконец обратил на него внимание.

Чжоу Юньян не считал себя настолько стойким, чтобы выдержать это, поэтому он мог лишь терпеть и ждать подходящего момента, чтобы вернуть своего возлюбленного.

Е Тао должен был понять истинную природу людей вокруг него, особенно Чжоу Юньяна, который мог стать потенциальной угрозой из-за своих амбиций. Но отношение Баобао к Чжоу Юньяну подсказало ему, что это было тем, о чем котенок меньше всего хотел говорить. Он не мог ради собственного удобства трогать ещё не зажившую рану Баобао, которая могла начать кровоточить при малейшем прикосновении.

Баобао вышел прогуляться и вернулся с хвостатым спутником, точнее, со своим родным братом Бай Вэй.

Их мама, Хэй Доу, была занята делами и с тех пор, как закончился период кормления, почти не появлялась дома. Самый длительный период её отсутствия составлял полмесяца. Как говорил Сяо Чэн, Хэй Доу знала, что семья Чжоу была богата и могла позволить себе содержать ещё несколько нахлебников, а мастер Хоу любил кошек и заботился о них, поэтому Хэй Доу не беспокоилась, что её котят выгонят или заберут другие. Это позволяло ей спокойно уходить.

Двое сыновей и дочь Хэй Доу были умными и милыми, а также весьма упитанными. И, конечно, они были жадными до еды. Но разве кошка не должна быть жадной? Бай Вэй, очевидно, понимал это лучше всех. Из троих котят он был самым жадным. Он знал, что его брат, Баобао, жил хорошо, поэтому часто приходил к нему, чтобы поживиться едой и игрушками. Баобао относился к этому с пренебрежением, но, учитывая кровные узы, он закрывал глаза на наглое поведение Бай Вэй.

Когда Чжоу Цзыцянь вернулся с работы, Е Тао перебирал четки из янтаря. Он сидел в кресле с спокойным выражением лица, его бледное, болезненное лицо было красивым и умиротворенным. В его руках лежали гладкие круглые бусины. Эти руки никогда не знали тяжелой работы, они были бледными и лишенными румянца, но пальцы были длинными, с округлыми суставами. Легким движением пальцев он перебирал одну бусину за другой.

<http://bllate.org/book/17687/1650188>